



Мажмуд Эсамбаев

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

В ПАСПОРТ Я НЕ ЗАГЛЯДЫВАЮ

Мажмуд Эсамбаев — явление в искусстве редкостное. Он, пожалуй, единственный на земле исполнитель танцев народов мира. Каждый танец мастера — целая поэма, хореографическая новелла, рассказ о культуре той или иной страны. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Мажмуд Эсамбаев известен и как общественный деятель. Он депутат Верховного Совета СССР. Сегодня Мажмуд Эсамбаев делится своими мыслями об интернационализме.

ОТЕЦ — старый партизан Алисултан говорил: «Мажмуд, учи русский язык, он поможет тебе много узнать о жизни, других народах, обогатит твою душу. Да и тебя люди будут лучше понимать. Все языки у нас в стране разные, но в каждом живут одинаковые слова, только звучат по-своему — это дом, родина, отец, мать, счастье, работа, здравствуйте, до свидания...»

Мы приехали в Грозный в 1932 году из горного села Старые Атаги. И мой русский звучал так: айдати (пошли), шо (что), бесекм (босиком). Это было уличное городское самообразование, и дальше этого я никак не шел. Был плохим учеником.

Только потом своим умом я уразумел, что отец преподавал мне первые уроки дружбы, уроки патриотизма. Эти святые для всех нас чувства должны выйти из детства, как из родного дома. Дом может жить без крыши, существовать с залатанной крышей, но без фундамента он развалится. Таким фундаментом стал для меня русский язык.

Когда я впервые попал в Америку, репортеры спрашивали меня о национальности. В их понимании узбеки, казахи, таджики, грузины, и т. д. — все цветные. О своих они судят тоже смутно — этот «черный», этот «белый», тот латиноамериканец, тот пуэрториканец, нет никакого уважения к национальной принадлежности. Меня отнесли к советским «цветным». Я стал объяснять, что в моей республике на Северном Кавказе живут разные люди, но коренное население — чеченцы и ингуши. Так вот себя называю чечено-ингуш. А на концертах по стране я вообще не отвечаю на этот вопрос, говорю, сначала посмотрите мои танцы народов мира, а выводы делайте сами. В паспорт свой я не заглядываю. Кто бывал на моих концертах, знает, что в любой национальной республике, автономном округе, любом ауле или деревне начинаю выступление с народных танцев Чечено-Ингушетии. Это мои корни, истоки патриотизма.

ЗНАЮ, есть люди, которые очень любят считать себя патриотами, слова они всегда говорят правильные, красивые и обязывающие, а вот поступают... Возьмем хотя бы такую формулировку: «Дорогой товарищ, вы не показали себя патриотом своей республики» — это когда, скажем, распекают журналиста за критическое выступление в газете, или посланного честное письмо в центральные органы, или даже за открытый разговор на сессии местного Совета. И пошло: «Вы плохой патриот, надо быть патриотом своего народа, города, пусть даже местечка». Все же видят и понимают, что чистым и благородным словом «патриот» прикрываются явные проявления местничества, а то и националистических настроений. Но как докажешь?

Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее. Культура должна быть открытой.

Несмотря на все уроки XX века, отмечает, например, академик Дмитрий Лихачев, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро. Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Национализм же — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода.

Как часто говорим скромно и мягко, как и я выше написал, — «проявления национализма». Выходит, проявления у нас есть, а самого явления как бы и не существует вовсе. Это, дескать, издержки недостаточно грамотных, плохо воспитанных и ограниченных людей, которые не научились жить без предрассудков в нашем человеческом общении. Ловлю себя на мысли, что и сам, кажется, никогда не употреблял слов «шовинист», «националист» в раз-

говоре, выступлениях или в депутатских запросах. Слова какие-то ядовитые, шершавые, язык не поворачивается произнести их вслух. Думаю, и называть так человека тоже нельзя, окорбится, в суд подаст, и суд накажет за оскорбление личности.

Так с чем же мы можем бороться? С проявлениями или смотреть в корень — с самим явлением? Люди искусства должны смелее срывать маскировку зла под добро.

На гастролях по стране побывал повсюду, доехал до самых до окраин и не раз с недоумением замечал некоторые неприятные признаки национальных предубеждений. Но мне часто обращаются с просьбами представители кавказских народностей, переехавших в восточные районы на постоянное место жительства. Они не мои избиратели, но, как я понимаю, депутат Верховного Совета СССР везде депутат, и выслушиваю каждого. Жалобы обычные — трудно с жильем, с устройством детей в сады и ясли, ущемляют в зарплате. Хожу в исполкомы местных Советов и что же порой слышу? «Понаехали сюда эти разные. Что вы у себя на Кавказе не живете?» Мало того, и в свой адрес слышал подобные слова от депутатов, работников райисполкомов. Вот-де, мол, пользуется положением, известностью и ратует за своих. А кто у меня свои, кто чужие? Земля у нас одна — советская, и если там вдалеке дагестанец, лезгин, черкес, цыган женился, осел, сколько же лет ему приходится приживаться, чтобы стать «своим»? Вот как бы ненароком сами представители местной власти подчас развивают бытовую национализм. Он — самый живучий, грубый, с ним сталкиваешься в ежедневном обиходе — в доме, школе, на службе, к нему некоторые привыкли и не обращают на него внимания.

Я ВСЕ-ТАКИ внутренне убежден, что багиллы национализма, местничества поражают прежде всего тех, у кого вообще низкий уровень общечеловеческой культуры. Мы создали мощную, разветвленную материальную базу культуры — библиотеки, кинотеатры, театры, концертные залы, художественные галереи, культурно-спортивные комплексы. В то же время сталкиваемся с крайне ограниченным уровнем «потребления» духовных богатств. В кино ходят мало, книг не читают, театры пустуют. Знаю по опыту своих гастролей, что в некоторых регионах Средней Азии, Казахстана, да и у меня на родине родители не пускают девушек в школу — обидется, на танцы — позор, в кино — запрет. Безграмотная девушка теперь выросла в цене. Да, калым за невесту живуч, и богатый жених платит за «безгрешную» непомерно больше. А дальше что? Непомерное поклонение далеко не самым лучшим национальным традициям для многих стало нормой. И этим, как ни странно, они кичатся, выставляют дремучий дух на показ, гордятся этим. Бездуховность порождает патриархальщину, а вместе с ней и национализм на местной основе.

Очень верно сказано М. С. Горбачевым — у нас не должно оставаться «белых пятен» в истории. И своевременно сказано! Вот новая повесть Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая». Горькая, тяжелая для нас правда. Никто не осмеливался сказать советскому народу, почему и на каком основании изгонялись с родной земли целые народы, лишались паспорта, жили годами в изгнании. Я чувствую кровью сердца, как выстрадал герой повести, сам автор, чужую боль чеченцев, ингушей, пережил ее и не мог сегодня об этом промолчать. Повесть Анатолия Приставкина исполнена суровой, чистой, человеческой правды.

Всю нелегкую историю переселения пережил на себе. В 1944 году, когда ссылали в одночасье мой народ, я был солистом балета, ведущим танцором Пятигорского театра музыкаль-

ной комедии. Узнав о беде, бросился вдогонку за отцом, матерью, родными. Ехал 14 суток в грузовом вагоне без отопления. Нас высадили на полустанке Макинга, между Акмолинском и станцией Боровое. Был сильный мороз. Пошел на огонек дома в сугробах, там была станционная парикмахерская. Молодая девушка посмотрела на меня и крикнула: «Уходи вон, черный». На улице я мог замерзнуть. И тут объявился ее брат. Он вошел в ветхую избушку и тоже сказал, что я черный, но с доброй усмешкой. Дал мне зеркало посмотреться. На меня глянула физиономия в черной паровозной копоти. Одни зубы белели. Догадался — две недели не умывался. Брат и сестра привели меня домой. Шесть месяцев я прожил в семье русского мельника, был ему как родной сын. Почему они меня так встретили? Шла война, правды о переселенцах никто не знал. Добрые люди воспитали меня патриотом.

...**МОЕ** искусство — танцы народов мира. Они очень сложны и неповторимы. И я всегда говорю своим зрителям — в языке могут быть акценты, не надо только смешивать французский с нижегородским. Но в искусстве никакие акценты недопустимы, искусство танца не приемлет отсебятины, упрощенчества, вульгарного толкования. На каждый новый номер у меня уходят годы подготовки. Я изучаю быт и нравы того народа, ритуал свадеб, похорон, религиозных обрядов, изучаю костюмы, ткани, способ шитья. Каждый танец — душа народа, и я не могу обидеть тот народ какой-нибудь фальшью.

Если, скажем, испанец исполняет свой танец в плохом костюме и даже с заплаткой, ему простят. Советский артист из Чечено-Ингушетии не может позволить себе небрежности в испанском костюме, неточности в жестах и движениях. Я беру все лучшее у народа в танце и дарю той стране, где приходится выступать. Мой интернационализм должен проявляться в чувстве такта, уважении к национальным традициям музыки и пластики, которые выражаются в искусстве танца цыганского, ингушского, русского, индусского, китайского, африканского... Ты не чувствуешь сцены, зрителей, атмосферы, ты влюбляешься в стихию народности, купаешься в танце. «Сеньор Мажмуда! — кричали мне испанцы. — Ты не советский русский танцовщик, ты наш...»

Это говорю не ради рекламы. Говорю о роли искусства в интернациональном воспитании. У меня много друзей среди всех народов нашей страны. Двери моего дома открыты для всех посторонних. А в семье у меня — полный интернационал.

Жена моя армянка с русским именем — Нина Аркадьевна. Дочку зовут — Стелла, внук, уже по-чеченски, Магомед, а внучка Медина. Моим подшефным стал миллионер из казачьего рода Владимир с его женой чеченкой Зарой. В их судьбе мне пришлось принять участие по депутатским обязанностям. Их родители ни в какую не хотели слышать о браке. Два брата невесты решили было убить жениха, да он сумел отбиться приемом самбо. Дед Володи пальнул из охотничьей двустволки вдогонку непослушному внуку. Пришлось мне как депутату ходить в обе семьи на переговоры. Родители чеченки Зары приняли новобрачных. А казачья семья ни в какую. Моих патриотических аргументов не хватило.

А вот и русская половина моего дома. Ездит с нами повсюду «баба Лена», бабушка Елена Павловна Кузьмина. Познакомилась с ней в Новгороде в 1973 году после спектакля. Шел дождь, улицы были темные, мрачные, тут я и увидел старушку на улице без зонтика, что-то спросил, оказывается, она моя поклонница, смолodu посмотрела уже 228 моих спектаклей. Откуда столько? Да все последние годы пускалась на свою скромную пенсию следом за нашей группой по городам и весям. И в свою маленькую книжницу записывала интересные события и факты гастролей. Стала как бы нашим историком. Такого преданного человека артисты попросили зачислить в штат.

Мне не хотелось бы в этих заметках ни обобщать, ни теоретизировать. Просто выразил то, что думаю. За долгую свою жизнь разъездного артиста, побывавшего, наверно, среди всех ста народностей нашей страны, убедился в том, что нет чувства прекраснее и святее, чем наш исконный, в душе заложенный патриотизм — это благороднейшее из чувств. Оно лежит и в основе советского интернационализма, который осеняет все наши лучшие дела и поступки в этом сложном, противоречивом мире.

Фото С. Суницкого.

ГРОЗНЫЙ.